

"Русские вопросы" по-прежнему без ответов

Накануне вступления в Евросоюз борцы за права нацменьшинств в Латвии упустили уникальный шанс ввести "нулевой вариант" гражданства, отстоять образование на родном языке и добиться множества других прав, которыми пользуются остальные латвийцы, признают сегодня, пять лет спустя, сами правозащитники.

Кира САВЧЕНКО, kira.savchenko@bb.lv

Тогда, в 2004-м, миф о том, что членство в ЕС автоматически означает и соблюдение всех прав человека, и демократию на уровне максимальных стандартов "старой" Европы, являлся одним из самых популярных. На деле же оказалось, что чего-то можно добиться лишь тяжелой работой и упорным лоббированием на всех уровнях власти единой Европы. Этого по разным причинам сделано не было и в итоге единственным достижением в рамках знаменитой триады "язык — образование — гражданство" стала отмена языкового ценза для кандидатов в депутаты. Несколько позже латвийские (и эстонские) неграждане наравне с постоянными жителями стран ЕС получили право передвигаться по Шенгенской зоне без виз.

О победах и поражениях **К** побеседовала с двумя видными представителями оппозиции, имеющими в том числе и большой опыт работы в европейских структурах — депутатами Сейма Борисом **Цилевичем** ("Центр согласия") и Юрием **Соколовским** ("ЗаПЧЕЛ").

Кульминация движения протеста против школьной реформы — митинг 1 мая 2004 года, собравший не менее 35 тысяч участников.

Учиться нужно у геев

Влияние ЕС на упомянутую "русскую триаду" было косвенным: напрямую правовыми нормами Евросоюза такие вопросы не регулируются, прежде всего подчеркивают оба политика. "При этом очень важна политическая установка: например, ЕС очень четко выступает за предоставление права голоса негражданам", — отмечает Борис Цилевич.

"Главное же преимущество членства в ЕС в том, что границы сняты и теперь ничего нельзя сделать втихаря, как это происходило в течение многих лет. Пребывание в ЕС затрудняет разработку "экспортного варианта" политики по отношению к русским. Европа является скорее не действующим лицом, а свидетелем: она не может влиять, но само присутствие ее имеет сдерживающий характер. Нельзя сказать, что ситуация в Латвии за эти пять лет улучшилась, однако она стабилизировалась", — полагает депутат.

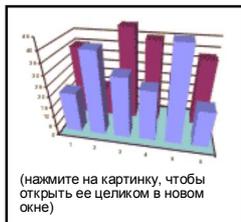
Есть и еще одна причина, по которой вступление в ЕС не привело автоматически к превращению Латвии в рай для меньшинств. В Европе права человека действительно имеют очень большое значение и к национальным меньшинствам относятся с особым трепетом. Однако далеко не все удаются этого титула.

"Европа пока не может определиться, кто же такие русские в Латвии. Наши власти настаивают на том, что они — иммигранты, а для них в ЕС правила суровые. Поэтому различные организации, которые борются за права нацменьшинств, вовсе не наши союзники, а во многих случаях даже оппоненты: они очень не хотят расширять рамки этого определения и включать туда новые категории", — отмечает г-н Цилевич.

Сегодня понятно, что проблему необходимо было включать в общую повестку — наравне с проблемами женщин или сексуальных меньшинств, признает депутат: "Почувствовать лоббированию у этих организаций, которые отстаивают права геев, нужно всем. Это они представили частную проблему как проблему всего общества. Нам этого сделать не удалось: мы пошли по пути круговой обороны".

К тому же проблема русских в Латвии не так сильно выделяется на общей карте ЕС. "Представьте себе, что кто-то пристает к вам с проблемой банков в Италии. В самом лучшем случае вы просто внимательно выслушаете. Бессмысленно ждать, что кто-то со слезами на глазах побежит спасать русских в Прибалтике. Это возможно делать лишь путем обмена: мы помогаем одному региону, а они голосуют в нашу пользу", — подчеркивает г-н Соколовский.

Все проспали

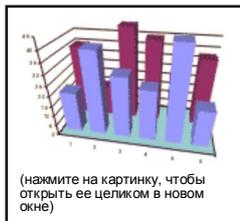
Тем не менее, несмотря на не самые благоприятные обстоятельства, шанс протолкнуть различные нормы, которые значительно облегчили бы жизнь русскоговорящих латвийцев, существовал.

"Золотое время было, когда Латвия еще только вступала в Евросоюз. Тогда, если бы требования были поставлены жестко, их бы пришлось удовлетворить, — признает Юрий Соколовский. — Национальная политическая элита могла бы умыть руки со словами: у нас есть выбор — либо назад, в СССР, то есть к России, либо выполнять все условия. Да, мы делаем это с отвращением, но другого выхода нет и мы снимаем с себя ответственность".

"Да, тогда был ключевой момент. ЕС руководствовался соображениями собственной безопасности — никому не нужны проблемы. Поэтому были разработаны Копенгагенские критерии, которые включали в себя уважение и защиту нацменьшинств. Однако не были созданы ни соответствующие документы, ни механизмы, и соответствие стран этим критериям оценивалось посредством вульгарной политической торговли между ЕС и правительством государства-кандидата", — дополняет Борис Цилевич и напоминает, что тем не менее по кое-каким, не самым важным, вопросам все же улучшение было — например,

были отменены языковые ограничения для кандидатов в депутаты.

Недолго праздник длился

"Эта деталь не существенна для большинства, однако является хорошим примером того, что добиться поставленной цели возможно. Тогда можно было провалить и нулевой вариант гражданства. Вопрос неграждан тогда не был закрыт. Теперь очевидно, что он будет решаться только демографически, путем смены поколений", — признает г-н Соколовский.

Впрочем, косвенно вступление в Евросоюз все-таки число неграждан сократило. Возможность свободно путешествовать по всему ЕС и работать в странах, открывших рынок труда для восточноевропейских "новобранцев", оказалась мощным стимулом для получения синего паспорта путем натурализации (см. диаграмму). Бум, однако, оказался недолгим, и проблема вскоре вернулась в прежнее хроническое

русло.

По словам Бориса Цилевича, был упущен шанс остановить и скандальную реформу среднего образования: "Действовать нужно было после первого большого митинга у Эспланады — пока правительство было в шоке, подключать международные организации и переходить к переговорам, используя возможность еще более массовых акций для давления. Вместо этого был проведен ряд гораздо менее масштабных акций, которые не производили такого впечатления, к ним привыкли и уже не воспринимали всерьез".